

Дунай Иванович (4)

Ездил же Дунайка по чисту полю,
А заехал Дунайка к королю в Литву,
Ко тому королю да Ляхоминьскому.
Как у короля-то жил да ровно девять лет.
Король молотця да любит, жалуёт,
Королева-то любила паче короля,
Королевишня любила паче всех.
Загорелся тут почестён пир —
Как на всех купцэй, гости торговая,
На всех хресьянушек прожитошных.
Тут зовет король Ляхоминьския:
«Ты пойдь, Дунайка, на почестён пир,
На почестён пир да на дивиной стол!»
Унимат Настасья королевисьня:
«Не ходи, Дунаюшка, ты на почестён пир
Неравно на почеснён пир приросхвасташсэ,
Неровно мной, красной девицей, похвалишсе, —
Пропадет твоя буйна головушка да не за денёжку».
Дунаюшка Настасью не послушал он,
Пошёл Дунайка на почестён пир.
Уж как все тут на пиру да напивалисе,
Уж как все на честном да наедалисе,
Все тут на пиру да приросхвасталисе.
Уж как умной хвастат золотой казной,
Неразумной хвастат молодой жёной,
Как безумной хвастат родимой сестрой,
Иной хвастат да ведь добрым конём.
Как Дунаёшка не пьёт, не ес, не кушаёт,
Белой лебеди да он не рушаёт.
Уж проговорил король да Ляхоминския:
«Уж ты што, Дунаюшка, не пьёшь, не ешь, не кушаёшь,
Что ты белыя лебеди не рушаёшь?» —
«Уж мне нечем добру молодцю похвастати
У меня нет ведь да родимой сёстры,
Нет у меня ведь молодой жёны,

Нету у меня золотой казны.
Уж ты есть король да Ляхоминския!
Поднеси-ка мне да чару зелёна вина,
Зелёна вина да полтора вёдра».
Тут ведь наливал король да Ляхоминския
Зелена вина да полтора ведра.
Подносил король да Ляхоминския:
«Выпей, выкушай-ка, Дунайка сын Ивановиць!»
Уж выпил-то Дунайка цяру зелена вина,
Тут Дунаюшка да приросхвасталсэ:
«Уж как ездил я ведь, доброй молодець,
Доброй молодець, ведь из орды в урду,
Из орды в урду да из Литвы в Литву;
Как заехал доброй молодець да к королю в Литву,
Ко тому ли королю да Ляхоминскому.
У короля-то жил я ровно деветь лет.
Король молодца да любит, жалуёт,
Королева-то любила паче короля,
Королевишня любит у души имеет:
Уж я день служу да ведь во клюшницьках,
Уж как ночь служу да у Настасьи королевиш(сь)ни,
У Настасьи королевиш(сь)ни да у кроватоцьки,
У кроватоцьки да у тисовыя,
У кисовыя я, на белых грудях».
Уж королю реці во слух пали,
Во слух пали да во беду стали,
На беду стали да на великую.
Он скрыццал, скрыццал да зыцьным голосом:
«Уж вы гой есь, полачи да немилосливы!
Вы берите-ка Дунайка за желты кудри,
Вы ведите-ка Дунайка во чистó полё,
Вы рубите у ёго да буйну голову.
Вы меците ёго да тулово да по цисту́ полю,
Цьто черным-то вóронам на граянье¹,
Ко серым волкам да ведь на военье».
Тут взмолилсэ ведь Дунайка сын Ивановиць:
«Уж гой есь вы, палачи немилосливы!
Вы видити как меня путём-дорожоцькой
Мимо тот ли дом Настасьи королевисьны».

Он скрыццал, скрыццал да зыцьным голасом:
«Ты прости, прошай-ка душоцька Настасья королевисьна!
Мне топерь-ка, добру молодцу, да смерть пришла».
Как Настасья спит да ни пробудитце.
Во второй-то раз вскрыццал да зыцьным голасом:
«Ты прости, прошай-ка душоцька Настасья королевисьна!
Мне топерь-ка, добру молодцу, да смерть пришла».
Как Настасья спит она крепко, не пробудитце.
Он в третей-от раз скрыццал да зыцьным голасом,
Как во всю-то силу богатырскую,
Что полатушка со угла на угол покацяласе,
Тесова кровать да подломиласе.
Ото сна Настасьюшка да пробудиласе;
Тут Настасьюшка — по плечь в окно
Ровно по белым грудям.
Как срыццала ведь, скрыццала своим голасом:
«Уж гой есь, полочи вы немилосливы!
Вы берити золотой казны вам колько надобно,
Уж вы пойдити вы на царев кобак,
Вы берити-ка голя кобацького,
Вы ведити-ка его да во цисто полё,
Вы рубити у его да буйну голову,
Вы мецити-ка да по цисту полю
Цёрным воронам да ведь на граянье,
Да серым волкам да ведь на военье.
Вы спустити-ка Дунаюшка на волюшку».
Как уехали да во цисто полё,
Попростилсэ-то Дунайка сын Ивановиць
Он с Настасьей да королевисьней.
Как поехали да на рукопашну во цисто полё
Как съжалиса во цистом поли да два богатыря,
Друг-то дружку побивать-то ни могли оны.
Как один-от богатырь да крепко силён был,
Он ударил богатыря по латам железной палицей,
Как свалилсэ богатырь со добра коня,
Со добра коня да на цисто полё.
Как другой-от богатырь да крепко силён был,
Уж как сел к нему да на белы груди:
«Ты скажись, скажись, сильныя могуция богатырь:

Ты коёй земли да ты коёй орды,
Коёго́ отца да коёй матушки?»
Отвещают сильныя могуция богатыри:
«Как бы я сидел да на твоих белых грудях,
Я не спрашивал ведь ни отца, ни матушки,
Я порол бы ведь твои белы груди
Вынимал бы ретиво серце́ да со пеценью.
Я отца да короля да Ляхоминьския».
Тут ведь брал Дунайка за белы руки,
Цаловал Дунайка в сахарны уста:
Тут Настасья ведь да королевисьня.
Приехали ведь они к королю да Ляхоминьския.
Тут с великой радостью король да Ляхоминьския
Он и принял свою Настасью королевисьню,
Выводил он веселым пиром да скорой свадебкой.
Повенчалсэ тут Дунайка сын Ивановиць
Он с Настасьей королевисьнёй.
Тут завёлсэ ведь великой и почестён пир.
Он ведь звал-от на пир да солнышка Владимира.
Уш как стал ведь солнышко Владимир-княсь:
«Кто бы мне нашёл да ведь супружницу,
На супружницу, да ведь супротивницу,
Белым личиком — поро́ху снегу белого,
То очи ясны да цёрна соболя».
Большой кроетце да ведь за среднёго,
Уж как средней кроетце за меньшого,
Уж как меньшого ответа нет.
Во второй-от раз скрыцал да зыцьным голосом:
«Кто бы, кто бы мне нашёл да ведь супружницу,
Не супружницу, да супротивницу,
Белым личиком — поро́ху снегу белого,
То ясны очи да цёрна соболя».
Уж как старший кроетца за среднёго,
Уж как средней кроетце за меньшого,
Как от меньшого Владимиру ответу нет.
Он третей-от раз крыцал да зыцьным голосом:
«Кто бы, кто бы мне нашёл да ведь супружницу,
Не супружницу, да супротивницу,
Белым личиком — поро́ху снегу белого,

То ясны очи да цёрна соболя».
Как послышал тут Дунайка сын Ивановиць —
«Есь у того ведь короля да Ляхоминския
Есь три доценьки, да три хорошия:
Есь Настасья королевисьня, да перва доценька —
Ни твоя слега² да ни тебе владать;
Есь и Аннушка да королевисьня —
Ни твоя слега да не тебе владать;
Есь Опрокся есь да королевисьня —
Есь твоя слега да ведь тебе владать».
Собирал Дунайка ведь дружину он богатырьскую,
Он пошёл ведь к королю да Ляхоминския:
«Ты гой еси, король да Ляхоминския!
Ты отдай Опроксю королевисьню
Ты за солнышка Владимира да славно-киевской».
Не хотел король да Ляхоминския
Как одать Опроксю королевисьню.
Как надвинулся Дунайка сын Ивановиць
Он двенацать всех богатырей.
Попустил свои руки король Ляхоминския,
Поклонял да свою буйну голову.
Тут ведь на пиру все напивалисе,
Все-то на честном да наедалисе,
Все тут на пиру да приросхвасталисе.
Как Дунайка хвастат он ведь боле всех:
Он своёй силой-могутой богатырьския,
Своёй удачёй, своёй храбросью:
«Я рострелю свой злацён перстень пополам ёго,
Обе ведь половиноцьки равны падут».
Тут спроговорит Настасья королевисьня:
«Понапрасну хвастаешь ты, Дунаюшка да сын Ивановиць,
Ин быть тебе ведь так ни вымыслить!
Уж я как стрелю свой злачён перстень —
Не котора половина все равны падут».
У Дунайки ретиво серце богатырьскоё да разгорелосе;
Он отвёл Настасью королевисьню да на цисто полё.
Тут змолилася Настасья королевисьня:
«Ох ты гой еси, Дунайка сын Ивановиць,
Хоть ты стрелить, ты меня да не дострелишь ведь,

Во второй-от раз да перестрелишь ведь,
Во третей-от раз стрелишь прямо в белы груди,
Во белы груди да прямо ретиво серце.
Ты убьешь ведь у меня в утробы сильных ведь богатырей,
Как два юноши-то младыя».
Тут Дунайка ретиво сердце разгорелосе,
Богатырьское да неуступчиво.
Он первой раз стрелил — не дострелил до Настасьюшки,
Во второй-от раз он стрелил — перестрелил ведь.
Во третей ведь раз стрелил во белы груди,
Во белы груди да прямо в ретиво серце.
Тут порол ведь он Настасьюшки белы груди,
Вынимал он-то младыя два юноша,
Ужь как сильныя могучия богатыря.
Ужь тыкнул нож тупым коньцом да во сыру землю,
Как острым коньцом себе в груди.
Где лёжит тело белое Настасьи королевисьны,
Тут лёжит сам Дунайка сын Ивановиць.

Записана Б. А. Богословским в с. Кандалакше на Белом море от А. Д.
Полежаевой.

1 Т. е. карканье.

2 Иначе «сняга» - пара, ровня.